

БОРИС
БУРМИСТРОВ

избранное

Борис Васильевич Бурмистров
Избранное
Серия «Библиотека российской поэзии»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742779
Б. В. Бурмистров. Свoзь сумерки времен. Стихотворения:
Издательство «Маматов»; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-91076-052-7*

Аннотация

Сборник стихов поэта Бориса Бурмистрова

Содержание

«Но мы любовью жили...»	7
Поэт	18
Начало	19
«Что-то не то в этом мире творится...»	20
«Пройдет печаль, исчезнет грусть...»	21
70-е годы. «Из прошлого высвечен сердцем»	22
«И холмы, и равнины...»	22
Заброшенный дом	23
Смерть бабки	24
Отец	25
«Мелеют озера...»	26
Батагай	27
Начало сезона	28
Ночной снегопад	30
«Хоронили в селе пастуха...»	31
«Множество проб и ошибок...»	32
Поздняя любовь	33
«Меня не станет на земле...»	34
«Светлая, светлая осень...»	35
«Вот и прошел я уже полпути...»	36
«Опять дожди тиранят город...»	37
«Зовет апрель: гулять, гулять...»	38
«Загляделся в прозрачный ручей...»	39

«Как медленно время идет...»	40
Колымская стена (отрывки из поэмы)	41
Родова	44
«Я сын любви, я внук раздора...»	46
«Как цветок придорожный, поникну...»	47
Погорельцы	48
«Из прошлого высвечен сердцем...»	49
«Три женщины любимых, три печали...»	51
«Вот и вышел намеченный срок...»	52
«Душой ничуть не покривлю...»	54
Мольба	55
«Эта женщина Востока...»	56
«Рисую осенний пейзаж...»	58
«...Из той поры до нынешнего дня...»	59
«Сколько прошел дорог...»	60
«Все, что от жизни возьму...»	61
«Сколько потеряно...»	62
Предчувствие	64
Сорокалетним	66
«Все больше зимние пейзажи...»	68
«Задумаюсь над сутью бытия...»	69
«В моем лице – морщинки прапрадеда...»	70
«Поеду в Сочи отдыхать...»	71
«Песочные часы. шуршание песчинок...»	72
«Ночное небо. Холод. Тишина...»	73
«Предзимье в лесу. Не зима и не осень...»	74

«Голову на плаху положу...»	76
«Распутица, сумятица и слякоть...»	77
«Творение, забвение, хаос...»	78
«Когда сменяются цари...»	79
«Громко крикну, в ответ отзовется...»	80
80-е годы. «Дороги, длинные дороги»	81
Библейский мотив	81
Тобольск, 1989	83
«По часовой, по часовой...»	84
«Я играл трагическую роль...»	85
Монолог ребенка, погибшего от голода	86
Памяти сына	87
«Хороним мальчиков своих...»	90
«С горем смириться нельзя...»	92
«Есть светлые, есть темные стихи...»	93
«Опять несет меня волна...»	94
«Ходил, бродил по свету...»	95
Короткие встречи «Из цикла»	96
«Наши судьбы так долго блуждали...»	98
«Не лги себе и ближнему не лги...»	99
«Светлое слово «люблю»...»	100
«Вот и вытолкал воз на дорогу...»	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Борис Бурмистров

Сквозь сумерки времен. Стихотворения

Автор благодарит губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева за помощь в издании этой книги.

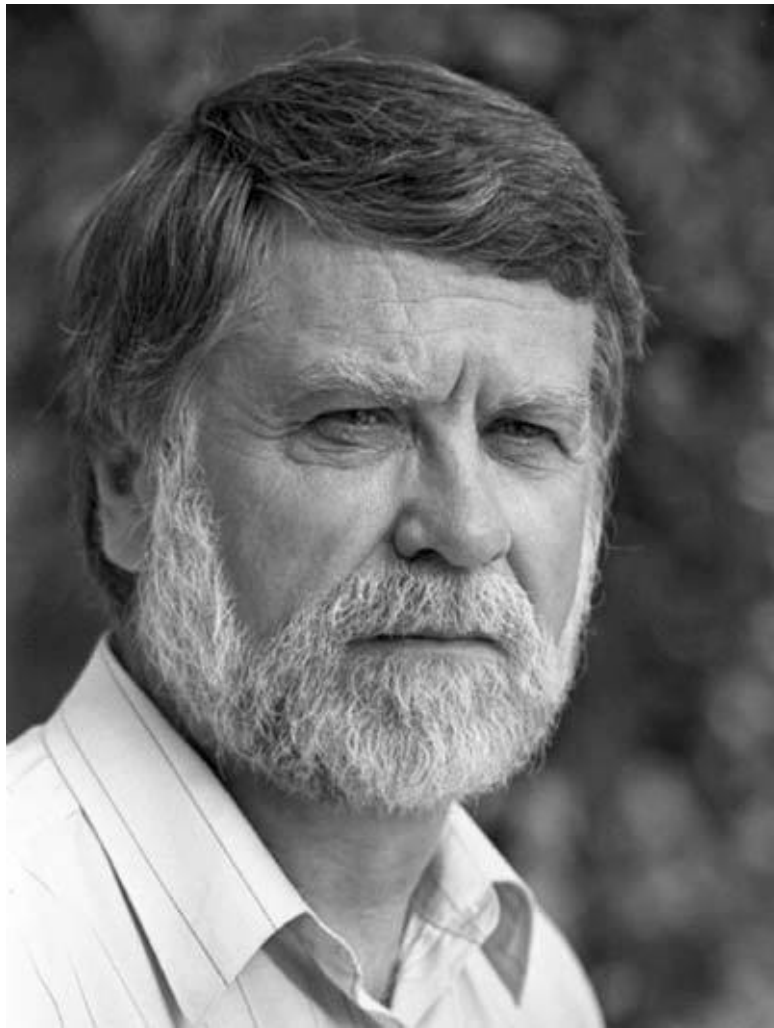
Авторы проекта «Библиотека российской поэзии» Ильдар Маматов, Александр Кердан.

© Б. В. Бурмистров, 2010

© Издательство «Маматов», 2010

* * *

«Но мы любовью жили...»

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири – с Любой Никоновой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крековым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала «Наш Современник». К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги...

Когда я прочитал его рукопись, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих русских пословиц: «Жизнь прожить – не поле перейти». И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошел бы, если бы не нащупал кровные связи с вечными обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

В моем лице – морщинки прапрадеда,
В моем лице – улыбки праправнука,
В моем лице – крупинки прапрасвета,
В моем лице – полоски праправнука.

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежно-

стью работы, с библейским повелением: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой»...

Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.
Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не «соглядатай праздный», не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий «бремя страстей человеческих».

Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл
И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.

Самым сильным, чтобы «в поте лица своего» одолевать

поле жизни – нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевая просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.

Как это все знакомо нам, русским людям, из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении «Нищета», написанном рукой, до сих пор дрожащей «от тяжелой колымской работы».

Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и

убедительны. Если наши семьи, родные, «родова» для какого-нибудь умного немца всего лишь приметы «дурной бесконечности», то для нашего русского поэта – передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи. Это тепло связует обрывки времен, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного древа.

Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

В эту кровную связь, в ее пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины и вздохи родной природы.

И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий былинный
Голос предков моих.

Это не «публицистическое разгильдяйство» (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная «скрытая теплота патриотизма», о которой вспоминал Лев Толстой в «Войне и мире». Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

Мы бы могли жить совсем по другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок – Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее – летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».

Стихотворение так и называется «Поминальное». Сразу вспоминается «первозчик-водогребщик» Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах «для Бога мертвых нет». Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об ушедших похожи на глубокие

ВДОХИ И ВЫДОХИ.

В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаенные открыты.
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.

(Из стихотворения «Родительский день».)

Отцовство, материнство, братство — вот чувства, которые помогают нам не впадать в отчаянье «перейти поле» жизни. А если еще на свет пробился новый росточек, взамен сло-манных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зернышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.
От ветров тебя укрою,
Стебелек мой маковый.

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные связи — вены, артерии, сухожилия:

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.

За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993 года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

Родина – женщина русоволосая,
Милая, милая – нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней.

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек обретает в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам природой для «перехода через поле», то у каждого из нас остается золотой запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского, «якорь надежды – символ. Вера, надежда, любовь – последние средства от смертного греха, который называется «отчаянием».

Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.

«Бог есть любовь» – писал Лев Николаевич Толстой. И любовь, как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемого временем нашего внутреннего и внешнего мира. Любовь к жизни, любовь к родине, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к поэзии. Я знаю, что одним из самых любимых поэтов Бориса Бурмистрова является Николай Рубцов, знаменитые слова которого мне хочется вспомнить в заключение:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

У Бориса Бурмистрова – это связь поэта с прошлым, настоящим и будущим родной земли, это его родова с корнями, ветвями и листьями, это бесконечная любовь ко всему сущему.

Поэт,

лауреат Государственной премии РСФСР

Станислав Куняев

Поэт

За все, что выдумал, простите –
Поэт на выдумки горазд,
Он столько в этой жизни видел,
Не выставляясь напоказ.

Он столько верст земных отмерил,
Прошел сквозь сумерки времен
И он один, наивный, верил,
Что мир добром не обделен.

Сменялись дни, сменялись ночи,
Храм воздвигался на крови,
А он любил и жаждал очень
В ответ, хоть капельку, любви.

Слова придумывал такие,
Каких еще не слышал свет
И утихали все стихии,
И умолкал безумный бред.

Начало

Еще не знали сна,
Не ведали причин,
Была Земля одна
И был Творец один.

Сходила тьма на нет,
Чуть брезжило вдали,
И растекался свет
По жилочкам Земли...

«Что-то не то в этом мире творится...»

Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит душа о душе позабыла,
Значит душе одиноко и сиротливо,
Значит в мире нету Божьего мира,
Значит Любовь в суете затерялась –
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем в этой жизни мы брэнной –
Плачет душа о душе сокровенной.

«Пройдет печаль, исчезнет грусть...»

Пройдет печаль, исчезнет грусть

И ночь, как сон, истает.

Любовью к ближним истончусь –

Душа любовью станет.

70-е годы. «Из прошлого высвечен сердцем»

«И холмы, и равнины...»

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.
Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых
И далекий былинный
Голос предков моих.

Заброшенный дом

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,
Два окна – и тьма, и свет —
Память там, а нас там нет.
Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,
Там давно уже в ночи
Холод веет от печи
И который год подряд
Молча стены голоса...

Смерть бабки

Успокоилась, руки сложила,
Отдохнуть вдруг решив среди дня,
И лицо ее будто молило:
Не будите без дела меня.

И ходили на цыпочках дети,
И внучата молчали в углу.
Все, казалось, затихло на свете,
Только время текло по стеклу...

Отдыхает старушка, ей спится,
Знать, усталость – причина тому...
Отчего же в слезах наших лица
И так скорбно, и зябко в дому.

Отец

Пришел с простреленной рукой,
Но, слава ветру, что живой.
От ветра дрогнула рука,
Прицел нарушив у врага.
Но страшно мне, а если б нет:
Ослаб бы ветер в тот момент
Или совсем в тот миг затих...
Не досчитался б мир двоих.

«Мелеют озера...»

Мелеют озера
И реки мелеют.
И главная доля в том
Нашей вины...
Проходят века,
Наши души скудеют
И многих порывов
Уже лишены.

Батагай

Отменены надолго все полеты,
Над летным полем виснут облака,
И без работы – грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть – на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день – и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму господу давай!

Спешит народ: кто в гагру, а кто в Сочи.
Висит плакат, гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или средь ночи...»,
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор – голос Кристалинской:
«Не улетай, родной, не улетай...».

Начало сезона

Прохладно, прозрачно и звонко,
Дорога, как скатерть, бела.
Пыхтит на подъем «пятитонка»,
В снегу сбуксанула, пошла.

Сто сил лошадиных в упряжке,
Сто тысяч отдельно чертей.
И «джин капитанский» во фляжке
От тряски становится злей.

Спешим. Вот за тем перевалом
Нас ждет незнакомый ручей:
«Там золота, братцы, навалом —
Лопатой шуруй лишь ловчей...».

Мы знаем, что он привирает
Наш старый, испытанный «пред»,
Но деда артель понимает,
Он все-таки умница — дед.

Спускаемся вниз по распадку,
Все тише и тише мотор.
И вот разбиваем палатку,
И вот уже первый костер.

И вот уже повар хлопочет,
И в круг собрались едоки,
А джин в наших глотках хохочет:
«Чуть-чуть за приезд, мужики».

Ночной снегопад

Как будто увидел впервые
Я этот ночной снегопад,
И эти дворы ледяные,
И этот сверкающий сад.

Услышал снежинок шуршанье
Среди утомленных снегов,
И сонных деревьев дыханье,
И скрип одиноких шагов.

Деревья усталые руки
Воздели к седым облакам,
И тают холодные звуки,
К моим прикоснувшись рукам...

Под эти созвучья ночные
Над городом спящим плыву,
И все это будто впервые,
А кажется – вечность живу.

«Хоронили в селе пастуха...»

Хоронили в селе пастуха,
Говорили: «Ударило громом.
А за ним никакого греха
Не водилось». И тихо над гробом.
Разговоры вели мужики:
«Видно, Богу угодно так было.
И ему, знать, нужны пастухи.
Без присмотра нечистая сила...»
Помолчали и гроб понесли
В дальний путь от родного порога.
А наутро коровы пошли,
От копыт загудела дорога.
Вышел сын пастуха Николай
И отцовским кнутом размахнулся,
Щелкнул лихо и крикнул: «Давай!»,
И без злобы на стадо ругнулся.

«Множество проб и ошибок...»

Множество проб и ошибок.

Где же ты, истина, где?

Лишь отражение улыбок

Вижу в зеркальной воде,

Взглядов лукавых скольжение,

Странная тень над рекой.

Что в этом мире движение?

Что в этом мире покой?

Что в этом мире сомнение?

И у которой черты

Радостный миг озаренья,

Горестный миг темноты.

Кто доберется до истины,

Боль пересилив и страх...

Лица угрюмы, таинственны —

Искорки смеха в зрачках.

Поздняя любовь

Расставанья, расстоянья —
Очень близкие слова,
От свиданья, до свиданья
Побелела голова.
Сколько лет и сколько весен
Пролетело с той поры...
Нас с тобой венчает осень,
И осенние дворы
Нас встречают виновато,
Будто знают наперед:
Это время листопада
Отцветет и отойдет.
Наше позднее венчанье...
Осень.
Желтая трава.
Расставанья и свиданья —
Очень близкие слова.

« Меня не станет на земле...»

Меня не станет на земле,
Меня волной вселенской смоет,
И где-то там, уже во мгле
Чужая боль меня догонит.

Последний раз, в короткий миг
Перед глазами вспыхнет лето,
И женский лик, и женский крик
Замрут на полуяви где-то...

«Светлая, светлая осень...»

Светлая, светлая осень,
Новое время грядет,
Цвет холодами подточен,
Миг... и сейчас опадет.

Миг... и сейчас оборвется
Лист с пожелтевших небес,
Звоном в тиши отзовется —
И опечалится лес.

Сердце забьется тревожно,
Дробный, прерывистый стук...
В сад мой войдет осторожно
Медно-серебряный звук.

«Вот и прошел я уже полпути...»

Вот и прошел я уже полпути,
Что впереди там, а что позади?

В прошлом остались нелегкие дни,
Нынче холодные светят огни.

По небу катится чья-то звезда,
Время со стуком несут поезда,

Годы в почтовом вагоне лежат,
А за окном – листопад, снегопад.

Вот уже оттепель, дождь проливной —
Все перемешано. Мчит скоростной...

Стрелочник хмурый разводит пути,
Горе и радость еще впереди.

«Опять дожди тиранят город...»

Опять дожди тиранят город
И горизонт в тумане скрыт,
Сию в саду (собачий холод),
А рядом женщина сидит.

Сидит, не смею молвить слова,
Боюсь движением спугнуть.
Она, мне кажется, готова
Вот-вот на веточку вспорхнуть.

«Не улетайте, заклиная», —
Я про себя шепчу, шепчу.
Хотя совсем не понимаю,
Зачем сижу, зачем молчу?..

Все на круги свои вернется,
Уже светлеет горизонт.
И женщина сидит, смеется,
Со мною вместе солнца ждет.

«Зовет апрель: гулять, гулять...»

Зовет апрель: гулять, гулять!

Я собираюсь молча.

Жена не хочет отпускать:

– Куда собрался ночью?

– Куда, куда? Летать хочу,

Такое вот желанье!

И коль надумал – улечу,

Сиди здесь в ожиданье.

А хочешь, чудо сотворим —

Открой скорей оконце! —

Возьмем и вместе полетим

Туда, где светит солнце!..

– Летать, да боже упаси!

Чтоб я тебя пустила, —

Жена сказала: – Свет гаси! –

И... форточку закрыла.

«Загляделся в прозрачный ручей...»

Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.

Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напиться...

«Как медленно время идет...»

Как медленно время идет,
Как быстро листва опадает.
Какой на Земле нынче год —
Никто из живущих не знает.

Какой на Земле нынче день?
По внешним приметам — осенний.
На доме моем — светотень
Мир делит на свет и на тени.

Как долго на свете живу?
Как долго я тень свою вижу?
Кто знает... Смотрюсь в синеву
И звуки далекие слышу.

Колымская стена (отрывки из поэмы)

I

Череп, черепа – там, где были глаза —
Лишь пустоты, – вернее глазницы,
А когда-то оттуда сбегала слеза,
Трепетали от света ресницы.
Боль когда-то стучала в виски
И от мыслей внутри было тесно...
Колыма, Колыма – золотые пески
И святое, и грешное место.

II

Не писал я про Север пока,
Не сказать, что иные заботы,
Просто долго дрожала рука
От колымской тяжелой работы.
Просто долго дремала строка,
Замирала и вновь просыпалась,
Ударяясь волной в берега,

На которых полжизни осталось...
Что о прошлом теперь мне тужить,
В те далекие трудные годы
Приходилось мне землю долбить,
Обнажать коренные породы.
И, как все, я тогда уставал,
Вспоминал я и черта, и Бога —
К свету, к солнцу Века поднимал,
Что ни метр — иная эпоха...
Кто там был — не осудит меня,
Знали цену мы мерзлomu пуду...
А теперь мне подайте огня!
И чернила налейте в посуду.

III

От Магадана тыщу верст
На Север тянется погост,
Нет в мире кладбища длинней —
По всей дороге хруст костей...
Остановите, хоть на миг,
Поток машин, я слышу крик.
Из-под земли несется он,
Верней не крик, а слабый стон.
Кричать устали мертвецы...
Простите, братья и отцы, —

И после смерти вам опять
Мы не даем спокойно спать...
Молчит Колымская стена —
Где имена? Где имена?

.....

X

Далекий край, суровый край,
Да разве ты виной всему?
Есть на земле и ад, и рай,
Но кто вершит – куда кому?
И кто теперь припомнит всех,
Кто воскресит те имена?..
Примите, люди, этот грех,
Нам за него платить сполна.
Со всех концов земли видна —
Стоит Кремлевская стена,
От глаз людских удалена —
Лежит Колымская стена.

Родова

Сыну Сергею

Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне – сыны вольнодумства,
В моем сердце доныне горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгинет и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,

Русь, Россия – судьба и опора.

«Я сын любви, я внук раздора...»

Я сын любви, я внук раздора,
Вокруг пустынные поля,
И за пределами простора
Еще просторнее земля.

А за спиной все смято, сжато —
В сундук железный под замок...
Мне новой Родины не надо,
Она одна – как Свет, как Бог.

И я любви своей не скрою,
Не отрекусь и на огне.
И все прошедшее со мною,
И все минувшее во мне.

Вновь мировая зреет ссора,
Стою на огненном Крыльце —
Я сын любви, я внук раздора,
Отец и дед – в одном лице.

«Как цветок придорожный, поникну...

Как цветок придорожный, поникну
На исходе холодного дня,
Проходящему поезду крикну,
Не услышат в вагонах меня.

Только ветром размытые лица,
В желтых рамах успеют мелькнуть.
Будет пыль над землею кружиться,
Оседа на рельсовый путь.

Оседа на травы степные,
Осыпаясь на плечи и грудь...
Простучали колеса стальные,
Скорый поезд назад не вернуть.

Улетел за седые отроги,
То ли в сказку опять, то ли в быль...
Одиноко стою у дороги —
Оседает столетняя пыль.

Погорельцы

Раскатали домишко по бревнышку
И снежком притоптали дымок,
И навстречу студеному солнышку
Покатили свой хилый возок.

Что их ждет впереди за холмами?
Что им темное небо сулит?
Снег тяжелый скрипит под ногами,
Спотыкаясь, собака скулит.

Неизвестность, неясность, тревога
И надежда, что это – пока...
И петляет, петляет дорога —
Будто тянется нить из клубка.

Разматывается пряжа не скоро,
И не скоро окончится путь,
У чужого приткнется забора
Этот горький возок отдохнуть...

И живем мы спокойно на свете,
На душе ни тоски, ни вины.
Тянут воз свой российские дети
По дорогам любимой страны.

«Из прошлого высвечен сердцем...»

Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.

Осеннее небо пугало
Печальной своей глубиной,
И зыбка пылинкой витала
В тумане меж светом и тьмой.

Казалось, что мир этот хрупкий
Рассыплется вдруг среди дня,
Но женские теплые руки
Вселяли надежду в меня.

И я привыкал понемногу
К пространству за темным окном,
Вначале пять метров к порогу...
А позже покинул и дом.

В пути постигал расстоянья,
Пространство манило, влекло,
И время земного скитанья
Так быстро бежало, текло.

То время подернуто дымкой,
Но вижу за той пеленой,
Как женщина с доброй улыбкой
Склоняется вновь надо мной.
И женские руки в надежде
Ласкают белесый мой чуб,
И я просыпаюсь, как в детстве,
И... «мама!» – срывается с губ.

«Три женщины любимых, три печали...»

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.
Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.

«Вот и вышел намеченный срок...

В. Н.

Вот и вышел намеченный срок,
Приумолкли походные трубы.
С этой женщиной пить бы медок,
Целовать ее сладкие губы.

С этой женщиной век вековать,
Только что мне от века осталось.
Где моя молодецкая статья
И куда моя юность умчалась?

Исходил я немало дорог,
Верил в силу свою и отвагу...
С этой женщиной пить бы медок,
А не горькую, горькую влагу.

Протекли мои годы в песок,
Слишком призрачны были победы.
С этой женщиной пить бы медок
И хмелеть от вечерней беседы.

В этом мире неясных тревог
Я молю всемогущего Бога —
С этой женщиной пить бы медок

До того, до последнего срока.

«Душой ничуть не покривлю...»

Душой ничуть не покривлю,
Когда сравню тебя с Мадонной,
С той недоступной и покорной,
Чей взгляд божественный ловлю.

Душой ничуть не покривлю,
Сказав, что есть на свете чудо,
Средь сумасшествия и блуда —
Святую женщину люблю.

Скажу спасибо сентябрю
За ту, негаданную встречу.
Я новый год в душе отмечу —
Душой ничуть не покривлю.

Мольба

Храни тебя мой Бог,
Меня – твоя Богиня.
Где движется песок,
Там вечная пустыня.

Где тысячи дорог,
Невидимые взору,
Там движется песок,
Не под гору, а в гору.

Моя судьба, мой рок,
Мираж, с которым спорю.
Там движется песок
К сиреневому морю.

Там движется песок,
Как будто кровь под кожей...
Храни тебя мой Бог,
Да и Богиня тоже.

«Эта женщина Востока...»

*Под тяжестью твоей огромной боли
Я не согнусь, хоть и былинка в поле.
А ты могуч, руками камни крошишь,
А боль былинки выдержать не можешь.*

Н. Рашидова (Авторский перевод с узбекского)

Эта женщина Востока
Говорит и говорит,
Нескончаемым потоком
Речь, как реченька журчит.

Я слова не разбираю,
Не моя на то вина,
Но я сердцем понимаю,
Что волнуется она.

Что в душе ее тревога,
Что в душе ее печаль.
У нее одна дорога,
У меня другая даль.

Но на миг соприкоснулись
В оглушающей тиши
И на оклик оглянулись

Две былинки, две души.

«Рисую осенний пейзаж...»

Рисую осенний пейзаж,
Оранжевой краской рисую.
Сменяется явь на мираж,
Уйти в неизвестность рискую.

Сменяется день на закат,
В рубахе малиновый вечер.
Плывет над землей листопад
И листья щебечут: «До встречи».

До той недалекой поры,
Когда распускается верба
И радужный смех детворы
Взлетает до синего неба...

Рисую осенний пейзаж —
Прекрасный кусочек природы.
И женская прихоть и блажь —
Всего лишь измена погоды.

«...Из той поры до нынешнего дня...»

...Из той поры до нынешнего дня
Летит, летит: «Не разлюби меня», —
И готов поклясться на крови,
Я от твоей не отрекусь любви.
Когда вдали забрезжит ливень-свет,
Мы вдруг поймем, что нас уже здесь нет,
Лишь голоса, да отголоски дней,
Судьба твоя растворена в моей.
И потому безудержно любя
И среди звезд я отыщу тебя...

«Сколько прошел дорог...»

Сколько прошел дорог,
Сколько спалил мостов,
Слишком печален итог —
Много могил и крестов.

Сколько друзей схоронил,
Сына отнес на погост.
Кто из неведомых сил
Сжег этот крохотный мост?

Господи, что впереди,
Пламень в душе или лед,
Молот тяжелый в груди
В ребра безжалостно бьет.

Что же мне делать теперь,
Новые строить мосты?
Двери слетают с петель —
Поле, снега и кресты.

«Все, что от жизни возьму...»

Все, что от жизни возьму, —
Все, уходя, возвращу.
Канув в крошечную тьму,
Всем ли и все ли прощу.

Все ли прощу я себе,
Все ли могу я прощать,
В этой заблудшей судьбе —
Было о чем мне вещать.

Было о чем сожалеть,
Крест свой нелегкий неся...
Мог бы давно умереть —
Без отпущенья нельзя.

Без отпущенья грешно,
Раньше, до Судного Дня,
Всем отпущенье дано...
Нынче простят ли меня?

«Сколько потеряно...»

Сколько потеряно,
Сколько не найдено.
Жил неуверенно —
Счастье украдено.

Времечко сдвинуто
Ветрами зимними,
Душенька вымыта
Белыми ливнями.

Что же осталось:
Дорога нездешняя,
Сердца усталость.
Да грусть безутешная.

Жил бы уверенно,
Зная доподлинно —
Что не потеряны
Совесьть и Родина.

Ниточка тонкая —
Дума заветная.
Жизнь моя горькая,
Жизнь моя светлая.

Утро по полю
Дымкою стелется,
В лучшую долю
Трудно, но верится.

Предчувствие

Все сильней, сильнее
Белый снег валит.
К вечеру яснее
Голова болит.

К вечеру сильнее,
Как не берегись!
Глупая затея —
Эта наша жизнь.

Все чужие боли,
И своя к тому ж,
По господней воле —
Я поэт и муж.

По господней воле
Нужен там и тут,
Во широком поле
Чьи-то кони ржут.

Во широком поле
Разгулялся зверь,
По своей-то воле...
Кто готов теперь?

За тебя сразиться,
Пресвятая Русь!
На чело ложится
Мировая грусть.

Сорокалетним

*...До тридцати поэтом быть почетно,
И срам кромеиный – после тридцати...*

А. Межиров

До тридцати разбрасывали камни,
Искали чувств глубоких родники.
От слов тяжелых закрывали ставни,
Напуганные правдой земляки.
До тридцати вливали в наши уши
«Святую» ложь, пускали пыль в глаза...
На всю страну кричали наши души,
По всей стране молчали голоса.
Не оправданье – долгое молчанье,
Все это в нашей скажется судьбе.
Но чистых слов прекрасное звучанье
Мы постарались сохранить в себе.
И время нас по-своему венчало,
Нам много лет, но грех нас в том винить.
Мы много передумали сначала,
Чтоб нынче с болью в сердце говорить.
И чистых слов мы не забыли давних,
До сорока сумевшие дожить —
Пришла пора. Мы собираем камни,

Чтоб родники от скверны оградить.

«Все больше зимние пейзажи...»

Все больше зимние пейзажи
Рисует мальчик, мой сосед,
И дарит девочке Наташе,
И говорит: «Прекрасный цвет».

Белеет серый лист бумаги
Под кистью юного творца,
Белеют рощи и овраги,
И снег белеет у крыльца.

Белым-бело по всей округе,
Что уместилась в полотне...
И мчит малыш к своей подруге
На белом, белом скакуне.

Рисуй, малыш, все белым цветом,
Пока так чувствует рука,
Пока еще ты с белым светом
Лишь познакомился слегка.

«Задумаюсь над сутью бытия...»

Задумаюсь над сутью бытия —

Вот дом, огонь и у камина – я.

Задумаюсь над суетою Дня —

Вот дом, огонь..., но в доме нет меня.

«В моем лице – морщинки прапрадеда...»

В моем лице – морщинки прапрадеда,
В моем лице – улыбки праправнука,
В моем лице – крупинки прапраСвета,
В моем лице – полоски прапраЗвука.
Все собрано по капелькам, крупичкам,
Чтоб будущему в прошлом повториться,
Лицо льстеца, лгуна или творца —
Начало есть и нет ему конца.

«Поеду в Сочи отдыхать...»

Н. Рубцову

Поеду в Сочи отдыхать,
Вот, сэкономлю на зарплате,
Питанье, море, да кровать
И кое-что возьму в прокате...

Поеду, хоть на малый срок,
В родном краю холодновато,
Там с головой уйду в песок —
Сибиряку так мало надо.

Погреть бы косточки свои,
Да кожу белую поджарить,
И на последние рубли
У моря «сфотаться» на память.

Чтоб показать друзьям потом,
Да прихвастнуть чуток при встрече, —
Мол, в море плавал голубом
И жил почти по-человечьи.

«Песочные часы. шуршание песчинок...»

Песочные часы. шуршание песчинок.
Почти не слышен времени уход.
Мир состоит из капелек и льдинок,
Из снежных гор и океанских вод.

Великое и крохотное рядом,
Минутное и вечное – в одном,
В одном сосуде розово-стеклянном,
Заполненном просеянным песком.

Текут песчинки, время отмеряют.
На дно сосуда падают шурша...
И с каждою песчинкой умирает,
И снова возрождается душа.

Неумолимо времени течение,
Судьба – песчинка. Двигается песок...
И смерть полна высокого значенья —
Душе никто не отмеряет срок.

«Ночное небо. Холод. Тишина...»

Ночное небо. Холод. Тишина.
Усталый ветер в полудреме стонет.
Любимая, мне нынче не до сна,
Ты спи, а я побуду на балконе.

Я постою тихонько на краю,
На том краю, где разум замирает,
Где душу обнаженную мою
От глаз небесных дымка закрывает.

Где так легко вспорхнуть и улететь,
Шагнув туда, за легкие перила,
Где бродят розно жизнь моя и смерть,
И где душа до этого бродила,

И где потом бродить ей суждено...
На эту землю возвращаясь снова,
Рубить в пространство звездное окно
И ожидать пришествия второго.

«Предзимье в лесу. Не зима и не осень...»

Предзимье в лесу. Не зима и не осень.
Безвременье. Снег ли, листва шелестит,
И слышится поскрип, кряхтение сосен,
И небо, как чистая простынь висит.

Предтечье, предвестье чего-то иного,
Чему-то еще замерзать или течь,
Еще не написано первое слово,
Уже отзвучала заздравная речь.

Еще я живу в ожидании чуда,
Еще в преломленье сойдутся лучи,
И писем, еще не написанных, грома
Пожаром лесным вдруг взметнется в ночи.

Загадки, разгадки природных явлений,
В предчувствии света – душа распахнись!
Уже промелькнули холодные тени,
Еще зарождается новая жизнь.

Предзимье в лесу. Безотчетность и смута.
Уже поднебесье темнеет, грозит.
Еще в ожидании звенящего утра

По мокрым дорогам поземка скользит.

«Голову на плаху положу...»

Голову на плаху положу,
На сучок древесный погляжу...
Гикнет, ахнет весело палач —
Разнесется по деревне плач.
Горлом хлынут гулкие слова,
Застучит по склону голова,
С той горы, что Лобною зовут,
Бренные останки унесут.
А потом устроят правый суд.
На тот суд округу соберут —
Не виновен, скажут, был мужик...
А точило вжик, себе, да вжик,
А топорик стук, себе, да стук —
Крепок в плахе этот самый звук,
Да и плаха вроде бы крепка,
И, топор держащая рука.
Не работа, а «искусство» рук...
Головы невинные секут.
Что там думать, проще — топором,
Разберутся, дайте срок, потом.

«Распутица, сумятица и слякоть...»

Распутица, сумятица и слякоть,
Храп и стенанье взмыленных коней,
О Родине не только петь и плакать,
Еще и думать надобно о ней.

Истерзанные русские равнины,
Могилы предков пылью занесло.
Добро бывает часто без причины,
Осмысленным бывает чаще зло.

И потому мне больно и тоскливо,
Мотивы зла понять я не могу.
Два берега. Жизнь, как река, бурлива
И на каком остаться берегу?

Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и — взмыленных людей.

«Творение, забвение, хаос...»

Творение, забвение, хаос —
Тащу и я свой непосильный воз.
Скольжение, падение, подъем —
Родившись в муках, в муках и живем.
Сомнение, затмение и... свет —
Звездой падучей обозначен след.
Смирение, течение судьбы —
Все чаще лбом в бетонные столбы.
Падение, горение и... мрак —
Все было так и, видно, будет так.
И пусть горька и беспощадна жизнь —
Я говорю судьбе: «Не суетись!
Не торопись, не подгоняй года —
Еще горит, горит моя звезда».

«Когда сменяются цари...»

Когда сменяются цари —
Один другому петлю вяжет,
Пока погода, до зари —
Мужик с молитвой поле пашет.

Когда сшибаются вожди —
Один другому яму роет,
Пока не грянули дожди —
Мужик соломой избу кроет.

Когда грозятся небеса
И над землею гром грохочет,
Гуляет по полю коса —
Мужик о будущем хлопочет.

«Громко крикну, в ответ отзовется...»

Громко крикну, в ответ отзовется
Голос мой из ночной тишины,
Слово доброе добрым вернется,
Злое – злым отлетит от стены.

И ударит сильнее больного,
И тогда вдруг, пойдем, что творим.
Бумерангом становится слово,
Возвращаясь к истокам своим.

В этом мире всему есть начало —
Жизни, слову и добрым делам...
Слышу – птица в ночи прокричала,
Что-то крикнула коротко нам.

Как же ей не ответить, пичуге?
Может, голос мой зло отпугнет,
Или чьи-то жестокие руки
В этот миг от нее отведет.

Ну, а может, такое случится:
Заблужусь я в пространстве ночном —
Громко крикнет знакомая птица
И дорогу укажет крылом.

80-е годы. «Дороги, долгие дороги»

Библейский мотив

Забываем: кто мы и откуда
Наши корни, стволы и листва?
Не расслышать средь страшного гуда
Наших предков святые слова.

Не расслышать средь грохота пушек,
Как шуршит и метет листопад.
Вновь глаза сердобольных старушек
На восход боязливо глядят.

Что взойдет там за серою далью?
Что так долго в округе темно?
Воздух полнится пылью и гарью,
Черный ворон стучится в окно.

Снова дети уходят на битву,
Унося свою душу и плоть,
Вслед читают старушки молитву:
«Сохрани и помилуй, господь!»

Не убий и убитым не будешь,

Не кради у голодного хлеб,
Если заповедь эту нарушишь —
Разорвется сплетенье судеб.

Все вы нам одинаково любы,
Погоди же, сыночек, погоду, —
Тихо шепчут старушечьи губы, —
Сохрани и помилуй, Господь!».

Тобольск, 1989

Подгорный город. Веет стариной
От деревянных рубленых строений —
За древнею, кремлевскою стеной,
Как призрак бродит позабытый гений.

Он по утрам звонит в колокола,
Но этот звон не каждый в мире слышит.
Колокола? – пустые купола
И временем простреленные крыши.

Внутри соборов... господи, прости!
Не дай мне впредь узреть еще такое!
Неужто честь сегодня не в чести,
А совесть в состоянии покоя...

Глядят церква глазницами эпох.
Тяжелый взгляд на мне остановился.
Не по себе мне – будто смотрит Бог.
Немой вопрос: а ты зачем явился

В подлунный мир – творить иль разрушать?
И что уже ты сотворил на свете?..
Глядит в окно стареющая мать.
Глядит, глядит и что мне ей ответить?

«По часовой, по часовой...»

По часовой, по часовой
Вращается пропеллер.
И душу ледящий вой
Подхватывает ветер.

По круговой, по круговой
По вековому счету
Ворочается шар земной,
Расплескивая воду.

По верстовой, по верстовой
Мороз-наждак по коже.
Стрелой жизнь по часовой —
В обратную не может.

По часовой, по верстовой
То смех, то плач, то жуткий вой.

«Я играл трагическую роль...»

Гул затих. Я вышел на подмости...

Б. Пастернак

Я играл трагическую роль,
Падал на разбитые колени,
И принцесса плакала на сцене,
Но на сцене властвовал король.

Я играл трагическую роль,
Погибал, как водится, в финале,
Но меня с подмостков поднимали —
После смерти кланяться изволь.

Я вставал и говорил: «Позволь!
Сколько мне играть такую роль».
Подливали в кубок мне вино:
«Воскресать не каждому дано».

Я играл трагическую роль —
Где моя, а где чужая боль?

Монолог ребенка, погибшего от голода

И надо ж было мне родиться
В голодном, вымерзшем году —
Прийти. Увидеть злые лица
И снова кануть в темноту.

И снова ждать тысячелетья,
И к свету вновь искать пути,
Но дай мне Бог — не в лихолетье,
А в год достатка в мир прийти.

И дай мне Бог не заблудиться —
Вернуться к вам сквозь смерть и тьму,
Увидеть ласковые лица
И улыбнуться самому.

И дай мне Бог умом постигнуть,
Что этот мир не так уж плох,
И дай по имени окликнуть,
Хотя бы раз, тебя, мой Бог.

Памяти сына

I

Осиротел мой дом,
Душа осиротела,
Лишь тень в углу пустом
От маленького тела.
Тяжелый скрип дверей
И прошлых звуков – звуки...
Я глажу тень кудрей
И вздрагивают руки.
Я слышу пустоту
И звон пустой посуды.
Уходят в темноту
Прошедших дней минуты.
Я слышу их шаги,
Они все глуше, глуше
И тень моей руки
Меня за горло душит.
Пунктирный след во мгле
И ничего нет кроме...
И пусто на земле,
И пусто, пусто в доме.

II

И замер день, и вечер не настал,
В снегу следы – из никуда дорожки.
И капелька дождя, зажатая в кристалл,
Никак не тает в крохотной ладошке.

Печаль моя, моя любовь, мой сын,
О, сколько звезд лежат в моей ладони.
А я один, среди людей один,
Куда идти? В округе ветер стонет.

Вернуться в дом? Тебя уже там нет,
А во дворе в снежки играют дети
И дворник хмурый разгребает след —
Твой след, сынок, на этом белом свете.

Прости, малыш, безумный этот мир,
Его не в силах я переиначить.
Мой дом отныне одинок и сир,
А мир смеется, негодует, плачет.

Прости, сынок, за все меня прости,
Моей душе нести такую ношу,
Моей душе такую боль нести...
Я эту тяжесть до конца не сброшу.

«Хороним мальчиков своих...»

А. Каткову

Хороним мальчиков своих,
Любимых мальчиков хороним.
Наотмашь бьет судьба под дых
И мы от боли адской стонем.

Какая сила держит нас?
Тебе и мне пред кем виниться?
Вокруг метели – дикий пляс
И чей-то плач, и чьи-то лица.

Пред кем колени преклонить,
Кого просить, кому молиться?
Но поздно, поздно – рвется нить
И нет узла, чтоб зацепиться.

Чтоб удержать в руках ту нить...
Скользит, скользит меж пальцев время.
И как теперь нам дальше жить,
И как нести такое бремя?

За что же, господи, за что?
Ответа нет, и не дожждаться...
В прихожей к детскому пальто

Мое пытается прижаться.

«С горем смириться нельзя...»

С горем смириться нельзя,
С радостью можно поладить.
Трудная эта стезя —
В путь мой уложена память.

Только ступлю на порог,
Плачет земля подо мною.
Если б увидеть я смог,
Что за моею спиною.

Кто за моею спиной
Шепчет о чем-то невнятно?
Ливни сплошною стеной —
Нету дороги обратно.

Память, лишь память одна
Шепоты ловит и звуки.
В прошлое шаг и... стена
Ткнется, ударится в руки.

«Есть светлые, есть темные стихи...»

Есть светлые, есть темные стихи.
В одних – наивность, а в других – грехи.
Мир поделен на темноту и свет
Иных, поверьте, сочетаний нет.
Мне возразят: а полумрак еще
И полусвет ты не берешь в расчет.
Полутона и есть полутона,
В них только часть от целого дана.

«Опять несет меня волна...»

Опять несет меня волна.
И так вся жизнь течет волнами,
Я заплатил за все сполна
Любовью, кровью и словами.

За все заплачено, и все ж
Кровоточит сквозная рана,
И пуля – в тело, в душу – ложь
Из одного летят нагана.

Земля моя, мой отчий дом,
Я знаю жизни этой цену.
Земля кругла, но за углом
Вновь чей-то глаз прильнул к прицелу.

«Ходил, бродил по свету...»

Ходил, бродил по свету,
Все подбирал по цвету:
Рубаху, женщину, пиджак.
А вслед кричали: «Вот чудак,
Ему не нравятся цвета!
И то – не то, и та – не та.
Неповторимый ищет цвет,
Его, быть может, вовсе нет».
Я улыбался им в ответ —
Нашел единственный тот цвет.
Не зря бродил по свету —
Все подобрал по цвету:
Улыбку, волосы, пальто
И эта – та, и это – то.

Короткие встречи «Из цикла»

1

Дом. Окно. Задернутая штора.
На пол сброшен ситчик голубой.
Ты меня забудешь очень скоро,
Я тебя забуду очень скоро,
А потом забудут нас с тобой.

А пока целуй меня, красотка,
А пока, бедовая, пляши,
У меня в кармане полусотка,
На столе шампанское и водка,
Что еще нам нужно для души...

Кончен бал, распахнуто окошко,
Что не так, как водится, прости,
Для меня ты ласковая кошка,
Для тебя я Борька или Гошка...
Все равно. Пора уже идти.

Разъезжаются, кончен сезон,
Не должно быть для грусти причины.
Скоро, скоро в объятия жен
Попадут удалые мужчины.

Вот уже в чемоданы летят
Полотенца, носки и пижамы...
На вокзале с рассвета стоят
В карауле курортные дамы.

Провожать они вышли «своих»,
Хоть и временных, все же хороших,
Ни судить, ни оправдывать их
Не могу, да и вряд ли кто сможет.

Разъезжаются, кончен сезон,
Проводницы в вагонах судачат...
Покидая дождливый перрон,
Одинокая женщина плачет.

«Наши судьбы так долго блуждали...»

Наши судьбы так долго блуждали,
Средь никчемной земной суеты.
Где мои долго мысли витали?
Где бродила, задумавшись ты?

По дорогам бетонным и пыльным,
По проселкам, по трактам стальным,
По распадкам, по травам ковыльным
Мы дышали дыханьем одним.

Как же долго, о боже! Как долго
След топтало ворье-воронье,
Среди бабьего спора и толка
Я услышал вдруг имя твое.

Я услышал, узнал и поверил
Предсказаниям, счастливой судьбе.
Сколько верст по дорогам измерил,
Чтоб тебя отыскать на земле.

И теперь вот стою на пороге,
Двери настежь – свершилось, сбылось.
Две судьбы, две звезды, две дороги —
Все в понятия едином слилось.

«Не лги себе и ближнему не лги...»

Не лги себе и ближнему не лги,
Ложь, как болото, заведет, затянет,
От пустозвонства душу береги,
Во лжи душа невольницей завянет.

Понять себя и ближнего понять,
Найти слова и в радости, и в горе...
Не торопись друзей своих менять,
Лишь потому, что с ними в краткой ссоре.

Вначале душу выслушай свою,
А мысли придержи, чтоб не мешали.
Не лги другим, – себе я говорю, —
Чтоб и они в ответ тебе не лгали.

«Светлое слово «люблю»...»

Светлое слово «люблю»,
Теплое слово «жалею».
Горькое слово «терплю»,
Грустное слово «старею».

Страшное слово «умру»,
Жуткое слово «забвенье»,
Доброе слово «дарю»,
Вечное слово «рожденье».

«Вот и вытолкал воз на дорогу...»

Вот и вытолкал воз на дорогу
И куда эту рухлядь теперь?
Повернулся спиною к востоку,
За спиною заплакала Дверь.

Оглянуться, вернуться? Нет мочи...
Слышать жалобный поскрип петель.
Впереди кто-то дико хохочет,
То ли зверь, то ли ведьма-метель.

Кто? Когда? По космическим фазам
Бытие приукрасил мое?..
Оглянуться, примериться глазом
И пустить поточнее копье,

Чтобы выбить из прошлого разом
То, что сердце бедой обожгло.
Для чего человеческий разум:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.